

У НАС В ГОСТЯХ

Владимир Канделаки

Творчество Владимира Канделаки давно завоевало широкую популярность в нашей стране. Артист широкого сценического диапазона, в каком бы музыкальном жанре он ни выступал, неизменно покоряет зрителя исполнительским своеобразием, богатством изобразительных средств, искрометностью своего таланта. Полюбовники музыкальных комедий ценят и любят его сверкающий юмор, неистощимую выдумку, без которой трудно представить Владимира Канделаки. Ценителей эстрадного жанра покоряет в его песенках сочность подачи, предельная выразительность, неиссякаемая жизнерадостность.

Многопланово творчество Владимира Канделаки, но во всем он характерен, на всем всегда лежит отпечаток его ярко выраженной индивидуальности. Порой трудно сказать, в каком жанре он лучше проявляет свои данные — то ли в строгой содержательности оперных арий, то ли в грациозной легкости оперетты, то ли в яркой лаконичности эстрадных песен. Впрочем, как бы резко ни отличалась его манера исполнения в различных жанрах, в ней всегда видно активное драматическое начало. Пожалуй, в этом, прежде всего, и состоит секрет сценического успеха В. Канделаки.

Отличный вокалист, свободно владеющий своим выразительным голосом приятного тембра, В. Канделаки на драматическую разработку роли или концертного номера обращает не меньше внимания, чем на локальную сторону своего труда. Созданные им образы всегда глубоко осмысленны, содержательны и жизненно правдивы. Даже в почти буффонных ролях музыкальных комедий артист стремится придать жизненную достоверность поступкам

своих комических героев, найти реалистическую мотивировку их гротескового поведения, подчеркнуть индивидуальность их характеров.

Сам В. Канделаки, вспоминая свой путь, с благодарностью оценивает ту блестящую школу актерского мастерства, какую он прошел у В. И. Немировича-Данченко. Собственно говоря, без этой школы не было бы и самого актера В. Канделаки, каким мы его знаем.

Характерен один эпизод, случившийся с ним в годы войны. В Алма-Ата ставили балет «Бахчисарайский фонтан». Галина Уланова, прибывшая туда, неожиданно предложила В. Канделаки... балетную роль Салтана-Гирея. Стоит ли говорить о том, что такое предложение удивило Канделаки, не имеющего никакого отношения к хореографическому искусству. Но одновременно оно и заинтересовало его. Ведь такая роль по существу серьезный экзамен его драматическим способностям. Это та знаменитая роль без слов, которой часто измеряется подлинный талант. Канделаки согласился. Успех, выпавший на его долю в этом балете, еще раз утвердил его в необходимости тщательной драматической разработки каждой роли, большая она или маленькая.

Много лет назад, когда В. Канделаки по-настоящему познавал сложное искусство сцены, ему довелось исполнять в «Катерине Измайловой» роль Бориса Тимофеевича, властного старика, деспота в семье. На репетициях присутствовал В. И. Немирович-Данченко. Отрабатывалась сцена отравления Тимофеевича. У Канделаки все, казалось, шло хорошо: лицо исказили гримасы боли, по телу прошли судороги... И все-таки сильного впечатления эта сцена не ос-

тавляла. Да и сам исполнитель чувствовал, что чего-то не хватает. Но вот эту сценку решил показать В. И. Немирович-Данченко... Кстати сказать, он прибежал к этому в крайних случаях. Он степенно ест поданные ему невесткой грибы, время от времени вытирая губы, ни на кого не глядя, никого не замечая. Вдруг он медленно поднимает голову и смотрит тяжелым взглядом в глаза невестки. Ни одного резкого движения на сумрачном лице. Но все увидели: случилось что-то страшное, увидели, что в эту минуту он уже знал — его отравили. Такова была жизненная правда в одном взгляде Немировича-Данченко, что Канделаки понял свою ошибку, почувствовал всем существом тот путь, по которому ему нужно идти в работе над этим образом.

В другой раз репетировалось произведение совершенно противоположного плана. Это была комическая опера Оффенбаха «Прекрасная Елена», в которой Канделаки исполнил роль Калхаса. Роль не удавалась. Юмор, присущий артисту от природы, звучал неестественно, казался грубой натяжкой. Он не действовал, не заражал других. Тогда Немирович-Данченко предложил Канделаки, к удивлению всех, исполнить куплеты Калхаса с грузинским акцентом. Предложение странное, но оно оказалось уместным. Роль Калхаса вдруг зазвучала, заискрилась, стала прозрачной и остроумной, насыщенной живым, задушевным юмором. Главное было сделано. Актер заговорил своим, а не выдуманным языком. Затем акцент был снят, но искренность осталась, образ нашел свое правильное решение.

Так от роли к роли, от репетиции

к репетиции постигались сложные законы сценического искусства.

На этом трудном пути не всегда В. Канделаки сопутствовали одни удачи. Были и провалы, встречались роли, которые не давались в руки. Но такие роли, чаще всего чуждые характеру самого актера, только указывали настоящий путь, по которому должен идти исполнитель в выборе своего репертуара. Горечь поражения искупалась той пользой, какую приносили эти уроки.

Сколько труда, творческого горения вложено в каждую роль! Да, на сцене В. Канделаки поет легко и свободно, как будто арии или песни льются у него сами. Но эти легкость и свобода есть результат большой напряженной работы, бесконечных исканий.

Взять хотя бы роль Сторожева в опере «В бурю». Композитор Т. Хренников создал яркий образ врага Советской власти, непримиримого, жестокого, озлобленного своей загнанностью. Актер, воплощая этот образ на сцене, не только раскрывает эти черты характера Сторожева с предельной выразительностью, но углубляет их, дополняет, и образ обретает ту зримость, которая оказывает такое сильное воздействие на зрителя.

Одна точно найденная деталь иногда может сказать больше об образе, чем целая сцена. В одном из эпизодов оперы «В бурю» есть момент: пойман Сторожев. Загнанный, но не сломленный, а еще более ожесточенный, Сторожев—Канделаки валится на землю и загребаёт ее жадными, ненасытными руками, теми руками, которыми он порол и вешал, ту землю, которую он обильно поливал кровью ее подлинных хозяев — простых мужиков. И в этом одном движении виден весь Сторожев, с его беспредельной ненавистью к новой власти — власти бедняков, сделавших из него, бывшего крепкого хозяина-стяжателя, загнанного волка, обреченного на гибель. Это всего-навсего деталь, небольшая

по времени и как будто внешне проходящая. Но, чтобы найти ее, понадобилось много времени, раздумий, творческого труда. И так в каждой роли. Подобное было и в работе над образами Бориса Тимофеевича из «Катерины Измайловой», комиссара Джапаридзе из «Северного ветра», Тараса из «Семьи Тараса» и многих других. Везде Канделаки выступают не просто человеком, поющим свою партию, а подлинным актером, глубоко чувствующим жизненную правду в искусстве.

Как-то совсем недавно на улице нам довелось услышать реплику, адресованную проходившему в то время В. Канделаки. «Канделаки пошел. Остроумный, веселый дядька. Помнишь его песенку «Смерть сама боится смерти»?—И молодой, видно, жизнерадостный парень, явно подражая в интонации актеру, запел на ухо своей спутнице песню о столетнем Ване, перепугавшем смерть насмерть. С этой песней они и ушли. Пошла молодость, любящая веселую шутку, сочный юмор, солнечную жизнь.

Эпизод маленький, незначительный, но он говорит о многом. Он говорит о том, что творчество Канделаки люди принимают близко к сердцу. Пусть о нем было сказано несколько грубовато, пусть «остроумным и веселым дядькой» назовут артиста еще сотни, тысячи повстречавшихся «племянников», не сумевших более изысканно оценить его дарование, но нам кажется, что Канделаки на них за это не в обиде. Важно, что это шло от души.

Путь к эстраде начался у Канделаки давно. Он вступил на этот путь опять-таки с благословения В. И. Немировича-Данченко, любившего остроумную шутку, веселую юность,

Канделаки был одним из активных участников так называемого джаз-гола, пропагандировавшего концертные шутки, веселые музыкальные интермедии, водевильные куплеты, остроумные песенки. Это было время зарождения советского эстрадного искусства.

Джаз-гол давно распался. Разными путями пошли на сцены его участники, но любовь к эстраде с той поры осталась у В. Канделаки на всю жизнь.

Голос В. Канделаки, записанный для радио и на патефонные пластинки, можно услышать во всех концах нашей страны. С нетерпением ждут многочисленные слушатели новых его песен, таких, которые также придутся им по сердцу, принесут много радостных минут.

Л. ЧЕШЕНКО.

НА СНИМКЕ: В. Канделаки.

Фото И. ГРИГОРОВА.

«КРАСНОЕ ЗНАМЯ»

22 сентября 1956 г.

3 стр.

Красное знамя
Г. Соци